

Виктор ЛОСЬ

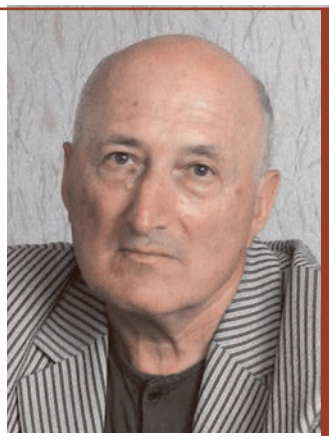
В поисках национальной стратегии устойчивого развития

К началу второго десятилетия XXI в. Россия оказалась в непростой ситуации. С одной стороны, сложившаяся после распада СССР социально-экономическая модель развития не только обеспечивает современные потребности страны, но и создает основу для реализации амбициозных проектов ближайшего будущего мирового масштаба. С другой стороны, многое не удалось: экономический рост не вышел на планируемые показатели, сохраняется ресурсная ориентация экономики, «буксуют» инновации с модернизацией. Не случайно подготовленная в «тучные годы» стратегия развития страны до 2020 г. подвергается корректировке.

При этом усиливается несоответствие между ростом потребностей социума (которые тяготеют к западным высоким стереотипам) и возможностями их удовлетворения (которые остаются на традиционном уровне использования национального природно-ресурсного потенциала). Поэтому позитивные национальные перспективы связываются с отказом от сырьевой экономики и выходом на уровень инновационной модернизации, в чем, в сущности, и заключается «тайна» стратегии устойчивого развития.

Модернизация – развитие всех элементов системы любого уровня на основе инноваций, затрагивающих базисные направления человеческой деятельности (экономические, социальные, технологические, экологические, информационные, прогностические и т. п.). И в этом смысле инновационно-модернизационный процесс – форма исторического динамизма мировой цивилизации.

Если оценивать модернизацию как синоним эволюции, то можно утверждать, что она «стартовала» на Древнем Востоке. Именно тогдашние научные и технологические достижения, попав в уникальные античные условия, дали «семена», из которых произросли базисные элементы цивилизации западноевропейского типа. Еще в раннем Средневековье восточные цивилизации (например, арабская) выказывали свое превосходство перед европейской культурой. Однако развивающаяся алхимия, ставшая одним из оснований экспериментального естествознания, продемонстрировала реальные преимущества западноевропейского инновационного динамизма.

Виктор ЛОСЬ – доктор философских наук, профессор РАГС

Западная цивилизация, опираясь на протестантский «дух капитализма», постепенно выходила на уровень «**первого круга**» модернизации – переход от средневековой модели развития к динамике Нового времени. При этом в качестве ядра модернизации выступают инновации – новшества, затрагивающие не только технологические или экономические, но и политические, социокультурные и другие сферы социума.

Генезис европейской модернизации связывается с английской промышленной революцией XVII–XVIII вв. Историки (Дж. Неф, Ф. Бродель и др.) показали, что в ее основе – инновации системного характера. А именно:

- трансформация национальной политической структуры (изменение соотношения королевской власти, «старого» и «нового» дворянства);
- динамизм внутреннего рынка (создание машинного производства, переход от древесного к каменному углю; совершенствование финансово-денежной системы и др.);
- реальное повышение статуса науки (ее видные представители – Р. Бойль, Дж. Локк, И. Ньютон и др. – участвуют в принятии государственных решений);
- расширение внешнего рынка (военная, торговая и политическая экспансия английской социально-экономической модели).

В результате Англия становится лидирующей промышленной страной Европы. Парадокс заключается в том, что еще к середине XVI в. Британские острова с технико-экономической точки зрения отставали от других европейских стран.

«Английское чудо» модернизации находит объяснение в активной инновационной политике – адаптации немецких технологий мануфактурных производств и горных работ, французских текстильных и итальянских стекольных производств и др. Лишь в конце XVIII в. реализовался национальный проект парового двигателя (Дж. Уатт), ставшего универсальным инструментом промышленного динамизма.

При этом отчетливо проявлялась специфика тогдашней модернизации. Выделим два ее элемента.

Во-первых, масштабность мануфактурного производства с использованием значительного количества рабочей силы: обезземеленные крестьяне становились «винтиками» в крупных горнодобывающих, кораблестроительных, оружейных областях промышленности и т. п. Во-вторых, масштабное использование каменного угля – «визитной карточки» английской модернизации, что позволило преодолеть надвигающийся «дровяной кризис».

Вместе с тем выявляются противоречия модернизации. Экономический рост обусловливает подъем благосостояния населения, его рост и расширение потребностей, что ведет к опасному дефициту продовольственного потенциала (теория Т. Мальтуса возникла именно в период английского экономического процветания). Стремительно ухудшается урбанизированная среда обитания (рост эпидемий, знаменитый английский смог и др.).

Какие выводы можно сделать из исторического опыта английской модернизации?

- модернизация – эволюционный феномен, растягивающийся во времени, включающий как предпосылки (исторические, политические, экономические, социальные и т. п.), так и собственно модернизационнный процесс.
- инновации в их системном качестве выступают как эпицентр модернизации.
- наличие технико-технологических инновационных оснований модернизации (открытие каменного угля, изобретение парового двигателя, распространение мануфактурного производства).
- инновационно-модернизационный процесс – неуклонная ориентация национального развития, реализация которой повышает статус нации в мировой динамике.

Формы английской модернизации в той или иной мере воплощались в других странах Западной Европы и в Новом Свете. Ее обязательные атрибуты: социальные революции – Великая Французская революция (1789), провозгласившая общеевропейские принципы прав человека и гражданина; американская революция (1776), освободившая Северную Америку от зависимости от Британской империи, давшая толчок основанию Соединенных Штатов Америки. Кроме того, необходимо наличие иных факторов – промышленный прогресс, динамизм развития науки, подъем культуры. И если в XVIII–XIX вв. в качестве непререкаемого центра «инновационной модернизации» выступала Западная Европа, то к началу XX в., а особенно в его второй половине, таким центром становятся США.

К середине XX в. формируется «**второй круг**» модернизации западного типа, технологической основой которой выступает процесс автоматизации практически всех сфер жизни социума. В результате автоматизации повышается «степень освобождения» человека от рутинных функций в системе производственно-хозяйственной деятельности, существенно увеличивается ее эффективность.

Социальные потрясения XX в., и прежде всего две мировые войны, закончившиеся «холодной войной», едва не перешедшей в «горячую войну», способствовали расширению такой формы модернизации, когда инновации приобретали отчетливо выраженную военную направленность (атомная энергетика, космические исследования и др.). Вместе с тем даже «научные отходы» мировых военно-промышленных центров давали результаты, оказывавшие стимулирующие воздействие на динамику развития цивилизации. Научно-техническая революция (НТР), интегрируя элементы системы «наука–техника–технология» (при определяющей роли научного знания), создала основания динамичной модернизации социума.

Индустриальное общество, опирающееся на иннова-

ционную модернизацию промышленного производства, органично трансформируется в постиндустриальное общество. Это – «**третий круг**» модернизации западного типа, формирующейся на рубеже XX–XXI вв., в основе которой лежат инновации в области науки и образования, высокая степень креативности субъекта деятельности, использующего разнообразные мировые потоки информации. Компьютеризация всех сфер деятельности человека и социума – базисная характеристика постиндустриального общества. Заметим, что Интернет – знаковый элемент постиндустриализма – также имеет военно-стратегические истоки.

Совокупный анализ «трех кругов» западноевропейской модернизации (вестернизации) позволяет сформулировать ее фундаментальные особенности. Это на наш взгляд:

- временная интенсивность, когда темпы перехода от одного «круга» к другому неуклонно ускоряются;
- органическая имманентность – формы и методы инновационной модернизации формировались в процессе исторического динамизма;
- абсолютизация западноцентризма, когда вестернизация предстает в качестве наиболее эффективного механизма развития цивилизации западного типа;
- гуманистическая ориентация, при которой удовлетворение потребностей человека выступает в качестве целевой мировоззренческой установки социума, соответствует эффективности рыночной модели;
- динамичная инновационность – стремление к изменениям во всех сферах человеческой деятельности – становится одной из определяющих сущностей как индивидуума, так и социума в целом.

При этом все более рельефно выделяются базисные противоречия вестернизации. Отметим некоторые из них:

- экспансия потребительства, когда «раскручивание» человеческих потребностей выступает самоцелью динамики экономического механизма;
- экофобность, в соответствии с которой биосфера исторически рассматривается преимущественно как источник ресурсопотребления, обуславливает реальную остроту конфликта между абсолютизацией роста социальных потребностей и относительной ограниченностью природно-ресурсного потенциала цивилизации.

Со второй половины XX в. (особенно после первого доклада Римского клуба, в 1972 г.) становится очевидно, что исторически сложившиеся формы вестернизации нуждаются в инновационной модернизации, чтобы остановить экологический коллапс. Анализ различных позитивных конструкций будущего («нулевое развитие», «органический рост», «экоразвитие» и др.) завершился принятием стратегии устойчивого развития как стратегической модели цивилизации XXI в.

В западных странах, особенно в государствах Европейского союза, модернизация осуществляется сравнительно эффективно, исходя из стереотипов устойчивого развития, т. е. баланса экономических, экологических и социокультурных механизмов динамики социума. Вместе с тем до недавнего времени США довольно скептически относились к стратегии УР, сконцентрировав внимание преимущественно на ее природоохранной составляющей (например, на экологической безопасности автомобиля).

Затормозилось и решение проблемы «парникового эффекта». Климатический саммит ООН (Копенгаген, 2009) не принял решения о продлении Киотского протокола, регламентирующего выбросы «парниковых» газов, в значительной мере из-за критической позиции ряда развивающихся стран.

Логичен вопрос: как вообще принципы вестернизации «работают» в развивающихся странах, где с середины XX в. мучительно идет активный поиск эффективных моделей национального динамизма?

Сущность модернизации развивающихся стран (а именно в их контексте возникла теория модернизации) заключается в следующем. Большинство из них, учитывая опыт вестернизации, должны были бы в исторически сравнительно короткие сроки, преодолев колониальную отсталость, используя преимущественно национальный природно-ресурсный и человеческий потенциал, войти в качестве равноправных партнеров в мировую экономическую систему.

С начала 1960-х годов по эгидой ООН в течение трех десятилетий реализовывались «декады развития», в рамках которых воплощались программы преодоления отсталости развивающихся стран. В сущности, в той или иной мере претворялись в жизнь две принципиальные стратегии инновационной модернизации.

1. Модернизация «догоняющего» типа, когда страны-акцепторы воспринимают опыт (организационный, экономический, технологический и т. д.) стран-доноров при их активной поддержке. «Зеленая революция» в Индии 1960-70-х годов, с одной стороны, показала эффективность этой стратегии (быстрое повышение производительности аграрного сектора), а с другой – выявила негативные последствия (зависимость от западных технологий, трудности их адаптации к национальным условиям, экологическая деградация почвы и т. п.).

2. Модернизация по принципу «опора на собственные силы», в соответствии с которым национальная стратегия развития исходит преимущественно из опыта национальных традиций и условий. Позднее возникло представление о принципе «коллективной опоры» (например, имея в виду объединение стран-экспортеров нефти) на собственные силы. В современной КНДР этот принцип связывается с «идеей Чучхе».

Очевидно, однако, что наиболее эффективна для развивающихся стран «комбинированная» модель модернизации, когда методы вестернизации переносятся в национальные условия, в максимально возможной степени учитывая при этом национально-региональную специфику, социокультурные традиции. Именно в этом,

вероятно, отгадка «японского чуда», китайского успеха, индийского динамизма и т. п.

Глобализация ускоряет процессы модернизации развивающихся стран (высокая скорость обмена информацией, технологиями и др.). И хотя именно волны вестернизации по-прежнему выносят на «берег» развивающихся стран инновации, тем не менее их эффективная ассимиляция становится основой технико-экономического динамизма «азиатских тигров», исходящих из принципов «национальной модернизации». При этом «новые индустриальные страны» приобретают и негативные атрибуты вестернизации (или американизации), в частности тенденции к культурной унификации, изменению традиционных потребительских стереотипов, обострению национальной социально-экологической ситуации.

Большинство этих стран ориентированы на то, чтобы перспективная национальная модернизация учитывала современные целевые установки цивилизации, которые вырабатываются в рамках мировой стратегии устойчивого развития. Одновременно предполагаются разработка и реализация национальной стратегии УР. Например, в стратегии устойчивого развития Японии акцентируется внимание на сохранении биологического разнообразия национальной флоры и фауны. Стратегия устойчивого развития КНР нацелена на переход от индустриального к постиндустриальному обществу (наукоемкость производства, сокращение потребления ресурсов, уменьшение загрязнения биосферы и т. п.). Таким образом, инновационная модернизация служит основой реализации национальных стратегий устойчивого развития. Проблема заключается не столько в их разработке, сколько в целенаправленной реализации.

Для России стремление к модернизации является имманентной исторической задачей. В ее осуществлении выделяется несколько основных периодов, а именно:

- «петровский», связанный с реформами в армии, государственном строительстве, образовании и т. д., имевшими четкую вестернизационную направленность;
- «александровский», связанный с реформами Александра II (отмена крепостного права; земская, судебная, военная, образовательные реформы и др.), ориентированными на учет и использование национальной специфики;
- «сталинский», выразившийся в модернизации всех сторон деятельности социума (индустриализация, коллективизация и культурная революция), заложившая основания «советской империи»;
- «хрущевский», связанный с попытками либерализации хозяйственного механизма для повышения его эффективности в условиях усиления «холодной войны» и гонки вооружений;
- «горбачевский», обусловленный перестройкой, в рамках которой модернизация советской модели предполагалась за счет ее демократизации, ускорения научно-технического развития;
- «ельциновский», когда путем включения механизма «шоковой терапии» ставилась задача разрушения советской экономической системы и формирования рыночных отношений вестернизационного типа;
- «путинский», ориентированный на инновационную модернизацию, исходящую из баланса государственных и рыночных механизмов производственно-хозяйственной деятельности.

При всех очевидных различиях (исторических, концептуальных, социальных и т. п.) перечисленных периодов для них характерны определенные общие элементы. Выделим лишь три из них.

Во-первых, это преобладание модернизации «догоняющего» типа, что в наибольшей степени выражалось в «хрущевский» период («догнать и перегнать Америку»). Во-вторых, милитаристская направленность, свойственная преобладающей части советского периода модернизации. В-третьих, целенаправленная политика осуществления модернизации, которая приобретала подчас жесткий (и даже жестокий) характер, особенно в «петровский» и «сталинский» периоды.

Модернизация в условиях России начала XXI в. имеет следующие особенности.

1. Формирование инновационной инфраструктуры. В ее основе – экономика инновационного типа, базисный ресурс которой опирается на современный научно-информационный потенциал. Речь идет о создании механизмов управления модернизацией российской экономикой на основе инноваций.

Это предполагает:

– выход на лидирующий уровень не только в прикладных областях (нанотехнологии, авиакосмическая техника, атомная и водородная энергетика, рациональное природопользование и др.), но и в фундаментальных науках (теоретическая физика, эволюционная химия, математика и т. п.);

- повышение доли высокотехнологического сектора и затрат на исследования и разработки;
- создание новых научных центров (Сколково) и повышение степени эффективности уже сложившихся региональных научных центров (Дубна, Троицк и др.);
- повышение степени экономической свободы.

2. Инновационная ориентация политической модели, включающая:

- государственное регулирование национальной экономики при активном подключении рыночных механизмов;
- общественную поддержку государственной инновационной политики и расширение демократических механизмов принятия решений;
- повышение социального статуса ученого, когда на рынке труда высокие рейтинги будут не только у гувернантки или домработницы (как в сегодняшней России), но и у программиста или сетевого администратора (как в США).

3. Выход на уровень евразийской стратегической модели развития. С этим связывается:

- предельный учет мирового опыта инновационно-модернизационной динамики и национальных возможностей (гибридный «народный автомобиль»);
- высокий уровень государственного управления, когда не только «запускается», но и стимулируется инновационный процесс;
- сохранение национальной идентичности и традиционных социокультурных ценностей в условиях глобальных трансформаций.

По существу инновационно-модернизационная модель, которая вырабатывается сегодня в России, есть адаптация мировой стратегии устойчивого развития к национальным условиям. Преодоление «ресурсной зависимости» и выход на уровень «инновационной экономики» – суть стратегии УР, ориентированной на сохранение равновесия системы «человек–социум–биосфера» и обеспечение потребностей социума предвидимого будущего.

В начале второй декады XXI в. Россия, как сказочный богатырь, оказывается на перекрестке трех дорог: направо – путь вестернизации, который выявил не только свою эффективность, но и историческую и концептуальную ограниченность; налево – путь по традиционной модели ресурсной экономики, которая будет «работать» до сохранения востребованности национального природно-ресурсного потенциала на мировом рынке, т. е. инновационной замены органических ресурсов; прямо – путь инновационно-модернизационный (устойчивого развития).

Отвергнув вестернационный и инерционный сценарии, Россия намерена к 2020 г. реализовать инновационную модель развития, исходящую из доминирующей динамики научных исследований и разработок, эффективности человеческого капитала и т. п. Целевая установка социума исходит не из идеи догоняющего развития, а стратегии лидерства. Решается задача формирования новых субъектов развития, сочетающих стереотипы потребления с идеями свободы и справедливости. Именно новая элита ориентируется на реализацию стратегии российского лидерства в мировой системе.

Выделяются риски и ограничения (противоречия), затрудняющие решение этой задачи. Отметим некоторые из них.

Геополитические противоречия. Неустойчивость военно-политической ситуации на южных границах (Грузия, Южная Осетия, Абхазия); осложнение украинских взаимоотношений («севастопольский синдром»). Опасность исламского экстремизма; усиление китайского внешнеполитического воздействия.

Социально-политические противоречия. Преобладание авторитарно-бюрократической модели управления, отказ от демократических ценностей. Сравнительно низкая (по сравнению с частным бизнесом) эффективность государственного управления. Снижение инвестиционной привлекательности страны, интенсификация оттока капитала.

Технико-технологические противоречия. Результаты фундаментальных исследований, выводя национальную науку на передовой уровень, не реализуются в должной мере в прикладной сфере. Более того, некоторые области фундаментального знания (например, нанотехнологии), которые были связаны со значительными капиталовложениями, не получили адекватной практической отдачи.

Природно-ресурсные противоречия. Разведанные запасы энергоносителей (нефть, газ) близки к выработке, а новые месторождения не обладают необходимой мощностью. Традиционный ресурсный потенциал утрачивает свое коммерческое значение, ибо все более активно и масштабно используется альтернативная энергетика.

Экологические противоречия. Экономический динамизм без адекватной природоохранной деятельности оборачивается обострением биосферной напряженности. Все большая часть ресурсов (материальных, финансовых, интеллектуальных) направляется в экологическую сферу, чтобы обеспечить биологическое выживание человека.

Человеческие противоречия. Сравнительно низкие демографические характеристики не позволяют полностью рассчитывать на национальные трудовые ресурсы. Усиливается миграционный поток, что осложняет этнополитическую ситуацию в стране.

Однако эффективная внутренняя и внешняя политика создает предпосылки и условия для реального преодоления отмеченных выше рисков и ограничений. На национальном уровне удается:

- объединить россиян в деле возрождения России;
- сохранить сравнительно высокие темпы экономического роста (несколько превышающие показатели западных стран), обеспечивающие достижение тактических и стратегических целей социально-экономического развития;
- модернизировать производственно-техническую базу на основе высоких технологий и энергосберегающей стратегии;
- устранить диспропорции в развитии отдельных регионов;
- обеспечить интеграцию в мировую экономическую систему в качестве равноправного партнера развитых стран;
- повысить качество жизни, выход на социально-экономический и социокультурный уровень, приближающийся к соответствующим характеристикам ведущих промышленных государств;
- сформировать средний класс (более 50% населения), призванный стать основой стабильности национального развития;
- сохранить статус России в качестве великой державы.

Есть все предпосылки для того, чтобы в 2012 г. Россия вышла на уровень принятия национальной инновационно-модернизационной стратегии устойчивого развития. Тем самым российский социум обретет интегрирующую целевую установку, ориентированную на позитивное будущее в третьем тысячелетии.